

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ

Б.А. ЕРЗНКЯН,

доктор экономических наук, профессор,
Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, г. Москва,
e-mail: yerz@cemi.rssi.ru; lvova1955@mail.ru

В статье рассматриваются особенности институционального развития общественных систем, исследуемых посредством таких когнитивных понятий, как язык и мышление. Такой подход позволяет получить дополнительную информацию, проливающую свет на характер формирования и развития социальных порядков – моделей общественной организации и структурирования взаимодействия людей и их групп во времени и пространстве. С учетом динамики языковых изменений раскрываются характеристики экстралингвистических изменений с акцентом на логике эволюции социальных порядков. Обсуждается возможность наличия каузальной связи между языковыми и неязыковыми изменениями и делается вывод о невозможности инкорпорирования институтов открытого доступа в неподготовленную для этого институциональную систему с ограниченным доступом.

Ключевые слова: язык; мышление; когнитивные аспекты; институциональное развитие; социальные порядки; логика эволюции.

COGNITIVE ASPECTS OF INSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF SOCIAL SYSTEMS

B.H. YERZNKYAN,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Central Economics & Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
e-mail: yerz@cemi.rssi.ru; lvova1955@mail.ru

In the article, the features of the institutional development of social systems studied with means of cognitive notions such as language and thinking are considered. This approach allows us to get additional information that sheds light on the nature of the formation and evolution of the social orders – models of organizing and structuring the interaction of the individuals and their groups across time and space. Given the dynamics of the language change, characteristics of extra-linguistic change with a focus on the logic of the social orders evolution are disclosed. The possibility of a causal link between language and non-language change is discussed and a conclusion of impossibility of incorporating institutions of open access into the unprepared institutional system of limited orders is drawn.

Keywords: language; thinking; cognitive aspects; institutional development; social orders; logic of evolution.

JEL classification: B50, B52, P00, Z13.

We grow up and we learn the words of a language and we see the universe through the language we know, we do not see it through all languages or through no language at all, through silence, for example, and we isolate ourselves in the language we know.

William Saroyan
*Seventy Thousand Assyrians*¹

One never knows what engenders what: an experience a language, or a language an experience. Both are capable of generating quite a lot.

Joseph Brodsky
*Watermark*²

Введение

Изучение институционального развития крупномасштабных общественных систем, в частности, социальных порядков, через призму или с учетом специфики когнитивного подхода, предполагает акцентирование внимания *в числе прочих* на динамике языковых и мыслительных особенностей их носителей. В соответствии с этим, в статье рассматриваются релевантные для понимания институционального развития вопросы языка и мышления как таковые и в привязке их изменений к изменениям социальных порядков – моделей общественного устройства различных человеческих сообществ, высказываются некоторые соображения касательно взаимоотношений между языком и мышлением, а также между ними и социальными порядками.

Структурирующие взаимодействие людей институты способствуют формированию политической, экономической, религиозной и военной власти и одновременно концентрации в руках отдельных людей контроля над ресурсами и социальными функциями (*Норт и др., 2011. С. 32–33*). С течением времени под влиянием тех или иных факторов институты меняются, изменяются также и социальные порядки: от примитивных порядков – через образование порядков ограниченного доступа – к возникновению порядков открытого доступа (которые установились по историческим меркам совсем недавно – два-три столетия тому назад, – преимущественно в Северной Америке и Западной Европе) (*North, 2005; Норт и др., 2012*). Исследования в области институциональных изменений и эволюции социальных порядков, помещаемых зачастую в контекст возрастания человеческих знаний на основе изучения обширной литературы по истории, политической науке, экономике, антропологии, экономике и общественным наукам, концентрируются на многих вопросах, включая изменения в характере взаимодействий людей, условий их существования, постоянства и/или изменчивости национальной специфики.

Мировосприятие через призму [конкретного] языка и признание (пусть и неявное) наличия каузальной связи «язык – вселенная» – это писательское озарение, посетившее автора первого эпиграфа (и не только его одного³), – имеет в лингвистике строгое теоретическое обоснование. До появления в 1934 г. рассказа Уильяма Сарояна «Семьдесят тысяч ассирийцев» подобную мысль высказал выдающийся лингвист Эдвард Сепир, впоследствии – лет через двадцать после опубликования упомянутого рассказа – на этот раз ученик Сепира Бенджамин Уорф сформулировал ее эксплицитно. Речь идет о концепции (теории), известной под названием *гипотезы лингвистического детерминизма и лингвистической относительности*. Первая ее часть гласит: «язык может де-

¹ «Мы вырастаем и познаем слова языка и видим вселенную через призму известного нам языка: не через призму всех языков или через призму никакого языка – безмолвия, например, а мы замыкаемся в языке, который знаем». Уильям Сароян. «Семьдесят тысяч ассирийцев».

² «Никогда не знаешь, что чем порождено: то ли язык опытом, то ли опыт языком. Оба они способны породить массу чего». Иосиф Бродский «Набережная неисцелимых».

³ Так, согласно Майклу Поланьи, «будучи человеческими существами, мы неизбежно вынуждены смотреть на Вселенную из того центра, что находится внутри нас, и говорить о ней в терминах человеческого языка, сформированного насущными потребностями человеческого общения». В отличие от Сарояна, однако, Поланьи говорит о человеческом языке как таковом, без его привязки к конкретному – английскому, применительно к эпиграфу, – языку (*Поланьи, 1985. С. 20*).

терминировать мышление», вторая – «этот детерминизм связан с конкретным языком, на котором говорит человек» (Слобин, Грин, 1976. С. 198).

Направленность гипотезы Сепира–Уорфа: от языка к миру, его постижению, опыту. Если не слишком догматически воспринимать гипотезу, а именно как частичную определенность и относительность, то нельзя не признать за этой гипотезой права на существование. Отдельный вопрос – обратная направленность понятий: может ли что-то влиять на язык, скажем, природно-географические, религиозные, исторические, политико-экономические и прочие факторы? Но что на что влияет и в какой степени и вообще, выражаясь словами автора другого эпиграфа, Иосифа Бродского, *что чем порождено?*

Вопрос о наличии или отсутствии причинно-следственных связей между языком и внеязыковым миром возник не сегодня, и он остается во многом открытым. Значение языка подчеркивается в таких постмодернистских, преодолевающих ограниченность позитивистского модернизма, течениях, как, например, в риторике экономической науки (McCloskey, 1985; Klamer, 1984). Именно она подводит к пониманию того, что «не только теория реализует себя в языке, но и сама практика, экономика как таковая осуществляется людьми через слово и не может быть понята вне этого контекста» (Расков, 2005. С. 7).

Тем не менее, при всей важности риторического аспекта языка более значимым – для отслеживания происходящих в течение длительного периода истории изменений социальных порядков – может оказаться не риторическая концепция, в которой язык выступает, по сути, сознательно используемым средством достижения [пристрастных] целей, а языковая субстанция как беспристрастный фиксатор в языке внеязыковых изменений. Эта субстанция совместно с мышлением присутствует, зачастую незримо, во всех процессах, связанных с формированием облика социальных порядков, его функционированием и видоизменением; она задает когнитивный вектор институционального и социально упорядоченного развития человечества.

1. Институциональное упорядоченное развитие во времени и пространстве

Говоря об институциональном упорядоченном развитии, мы объединяем в одно два близких, но не тождественных понятия, как-то: институциональной системы и социальных порядков. Они столь тесно переплетены и неразрывны, что во многих контекстах могут считаться синонимичными. Практически одно и то же определение дается им (а заодно и социальной структуре) в книге Фуруботна и Рихтера: все они суть системы правил в совокупности с устройствами, обеспечивающими их выполнение и накладывающими ограничения на индивидуальный выбор (Фуруботн, Рихтер, 2005. С. 8–9, 611, 617).

Дуглас Норт, напротив, определяет институт таким образом, чтобы им можно было свободно пользоваться без смешивания с иными понятиями: им вводится понятие институциональных элементов как кирпичиков для конструирования институтов (*правила, нормы, убеждения*). Особенностью подхода Норты является отделение им институтов от организаций – будь то *партнерских* (характеризующихся исполняющимися «без внешнего вмешательства и содержащими в себе стимулы соглашениями ее членов») или *контрактных* (использующих как принуждение к исполнению контрактов при помощи третьей стороны, так и содержащих в себе стимулы соглашения членов). Рассматриваемые в концептуальных рамках институциональные формы не статичны: они развиваются и при этом способны «поддерживать сложные контрактные организации как внутри государства, так и за его пределами» (Норт и др., 2011. С. 60–61).

Другие авторы четкого разграничения между институтами и организациями не проводят, и строительным материалом для образования институтов могут служить *правила, нормы, убеждения*, равно как и *организации* (Greif, 1994). Схожей позиции придерживается Г.Б. Клейнер с его трактовкой социально-экономических институтов как относительно устойчивых писаных и неписаных норм, обычаев, традиций, структур и организаций. Здесь присутствуют организации, но отсутствуют убеждения (Клейнер, 1999. С.5), возможно потому, что убеждения в известной степени присутствуют и в нормах, и в обычаях, и в традициях, если вспомнить базовые понятия Чарльза Пирса, заложившего основы философии прагматизма – фундамента старой, или исходной, институциональной экономики: *верования и правила действия*, отождествляемые с *привычками*.

Социальные порядки в хронологически последовательной классификации Норты и др. делятся на три типа (при этом внимание авторов фокусируется на двух последних из них с акцентом на условия – одностороннего [движения вспять зафиксировано еще не было] – перехода между ними): 1) порядки, предшествующие государственным (порядки, свойственные примитивным обществен-

ным образованиям охотников и собирателей); 2) естественные государства (*natural states*), они же порядки ограниченного доступа (*limited access orders*); 3) порядки открытого доступа (*open access orders*).

История человечества как системы единого организма насчитывает более миллиона лет (*Капица, 1999*). Письменная история, которая в центре внимания Норта и др. и на которую они опираются, по сравнению с историей человечества как таковой – мизер, и насчитывает она 5–10 тыс. лет, ведя свой отсчет со времен первой социальной революции – неолитической, сельскохозяйственной, урбанистической. Не такой же, но все-таки мизер, на этот раз по отношению к письменной истории человечества, составляет период, начавшийся примерно два столетия тому назад со второй социальной революции – промышленной, современной – и продолжающийся по сей день (*Норт, 2011. С. 39*).

Открытые и ограниченные порядки – понятия не абсолютные, а относительные. Так, например, для создания предприятия в обоих порядках требуется понести определенные затраты, как-то: на доступ к закону (в случае легального предприятия) или на альтернативу (в случае нелегального предприятия). Разумеется, следует также предусмотреть и затраты на функционирование созданного предприятия в рамках ли закона, или в теневой сфере. И так, в обоих случаях затраты неизбежны (что вполне естественно), вопрос лишь в степени этих затрат – предположительно меньших в ситуации с открытыми порядками и больших в порядках ограниченного доступа. Сказанное подтверждается эмпирическими исследованиями. Так, если открытие предприятия средних размеров в 1999 г. в США обходилось в 0,02% ВВП, то в порядках ограниченного доступа общие затраты на подобное мероприятие были существенно выше: 2,7% в Нигерии, 1,16% в Кении, 0,91% в Эквадоре и уж вовсе зашкаливающие, 4,95% ВВП, в Доминиканской республике (*DjankovS. et al., 2002; Acemoglu, 2002. P. 10*).

Изменение во времени институциональных упорядоченных систем иногда описывают в терминах прогресса, но для Норта и его коллег интерес представляют социальные изменения как таковые, хотя и внимание их сосредоточено большей частью на выяснении логики перехода от порядков ограниченного доступа к порядкам открытого доступа (*Норт и др., 2011. С. 55*). С трактовкой не ограничивающегося только прогрессом институционального развития нельзя не согласиться. И не потому, что мы против прогресса, а потому, что такой материал преподносит история, такова, нравится нам или нет, логика эволюции социальных порядков, по которой, «общественная эволюция так же тесно соотносится не только с прогрессом, но и регрессом» (*Мартишин, 2012. С. 144*).

В этой связи представляет интерес рассмотрение приведенных Энтони Гидденсом отличий традиционных порядков ограниченного доступа, свойственных естественным государствам, от порядков открытого доступа, характерных для современных обществ. Современные общества, берущие начало в его хронологии с XVII в., характеризуются тремя отличительными признаками: 1) невероятно возросшей скоростью изменений; 2) расширением сферы изменений, связывающих – информационно и социально – различные районы мира; 3) наличием изменений в самой природе институтов, многие из которых и вовсе отсутствовали в прежних порядках и обязаны своим появлением современности (политическая система национального государства, полная зависимость производства от неживых источников энергии, развитие товарных, включая труд, отношений и пр.) (*Гидденс, 2011*).

Для наглядности представим такую точку зрения, согласно которой современность (*modernity*) ставится в зависимость от трех факторов – скорости и сферы изменений, а также природы институтов, в символическом виде:

$$m = f(v, s, n),$$

где m – современность, v – скорость, s – сфера, n – природа.

Сравнение отличительных черт современных порядков, или социальных порядков открытого доступа, показывает, что у Гидденса акцент делается на пространственно-временной специфике установления новых порядков, а у Норта и его коллег – на их семантических характеристиках. В определенном смысле эти описания, скорее, дополняют друг друга, чем противоречат или не согласуются между собой.

Темпоральные институциональные изменения сосуществуют с изменениями в пространстве. В табл. 1 приведены характеристики, проливающие свет на логику временного перехода социальных порядков к открытому доступу, а также демонстрирующие некоторые – пространственные – различия, или различия между странами, в осуществлении такого перехода.

Таблица 1

Особенности перехода к порядкам открытого доступа в развитых странах

Характеристики	Страны	США	Великобритания	Франция
Разнородность форм экономической организации до перехода к открытому доступу		Менее, чем во Франции	Менее, чем во Франции	Более, чем в Великобритании и США
Уровень институционализации открытого доступа		Уровень штатов	Национальный уровень	Национальный уровень
Причина запуска процесса общей инкорпорации (т. е. открытого доступа к корпоративным формам)		Угроза манипулирования экономическим доступом со стороны политических организаций в собственных интересах	Недовольство элит недоступностью корпоративной формы	Недовольство элит недоступностью корпоративной формы

Адаптировано по: (Норт и др., 2011. С. 369–370, 384, 386).

Обратимся теперь к когнитивным аспектам институционального развития, таким как язык и мышление.

2. Язык как базовый социальный институт и фиксатор институциональных изменений

Институциональная интерпретация языка присуща Джеффри Ходжсону, который, отмечая, что «индивидуумы при взаимодействии опираются на обычаи, нормы», добавляет «и, в особенности, на институт языка» (Ходжсон, 1997. С. 45). В этом он не одинок: трактовка языка в институциональном ключе свойственна *inter alia* и Норту (Норт, 1997), и Серлю (Searle, 2005a; 2005b). Это имеет принципиальное значение, ибо столь существенные для институционального строительства связи между индивидами признаются явным образом зависящими «от лингвистических и иных правил и норм». Далее, отмечается, что «наше взаимодействие с другими требует, как правило, использования языка. Язык сам является институтом. Мы не можем понять мир без понятий, и мы не можем общаться без какой-либо формы языка» (Ходжсон, 1997. С. 45).

Для выяснения значения языка применительно к институциональному развитию обществ обратимся к гипотезе Сепира–Уорфа – гипотезе лингвистического детерминизма (язык определяет мировосприятие) и лингвистической относительности (различные языки – различные миры). Ее основная идея была первоначально выражена Сепиром: «Человеческое существо живет не в одном только объективном мире, не в одном только мире социальной деятельности, как это обычно считается. В значительной степени человек находится во власти конкретного языка, являющегося для данного общества средством выражения. Было бы заблуждением считать, что человек приспосабливается к действительности абсолютно без участия языка и что язык есть просто случайное средство решения специфических проблем общения или мышления. На самом деле «реальный мир» в большой степени строится бессознательно, на основе языковых норм данной группы... Мы видим, слышим и воспринимаем действительность так, а не иначе, в значительной мере потому, что языковые нормы нашего общества предрасполагают к определенному выбору интерпретации» (Слобин, Грин, 1976. С. 198).

Обычно принято различать два варианта гипотезы: по сильному варианту, «язык определяет характер мышления и поведения» и «представляет собой как бы почву для мышления и философии», в слабом варианте гипотезы утверждается, что «некоторые аспекты языка могут предрасполагать к выбору человеком определенного способа мышления или поведения» (Слобин, Грин, 1976. С. 200). Как видим, детерминизм в слабом варианте гипотезы ограничивается лишь указанием линии мышления или вида поведения, не более того. Поскольку сильный вариант, будучи соблазнительным, в то же время является опасным и чреватым увлечением поверхностными сравнениями и ложными выводами, более приемлемым представляется, к примеру, следующее, слабо детерминированное изложение сути гипотезы: «Языки различаются не столько своей возможностью что-то выразить, сколько той относительной легкостью, с которой это может быть выражено. История западной логики и науки – это не история ученых, ослепленных или введенных в заблуждение

специфической природой своего языка, а скорее история долгой и успешной борьбы с теми изначальными ограничениями, которые накладывает язык. Там, где не годится обычный разговорный язык, изобретаются специальные подсистемы (например, математический язык)». Но что небезынтересно: «даже система силлогизмов Аристотеля носит черты греческой языковой структуры» (Hockett, 1954. P. 122).

Важно также то, что язык накладывает свой отпечаток на ощущение времени, и его восприятие может отличаться в зависимости от структуры языка. Ведь «наше интуитивное понимание времени, то есть, способ, которым мы «видим» временные отношения, частично зависит от нашего языка, наших теорий и мифов, включенных в язык; иначе говоря – наша европейская интуиция времени в значительной степени обусловлена греческим происхождением нашей цивилизации с его акцентом на дискурсивное мышление» (Поппер, 2008. С. 474). Обращаем внимание на *частичную* зависимость и обусловленность *в значительной степени*, что означает взвешенность авторов гипотезы, стремящихся зафиксировать связь языка и мироощущения, но отнюдь не абсолютизовавших ее.

Характер языка-института весьма специфичен и обусловлен сложным переплетением в языке биологического и социального начал, заложенными в человеке [наследуемыми] способностями к усвоению языка и конвенциональной природой его употребления [посредством механизма обучения] в определенных языковых [институциональных] сообществах. Язык «воздействует на наше поведение и в свою очередь формируется под его влиянием. Но и язык, и наше поведение меняются также в силу внутренней логики своего развития», при этом даже, если «тезис о взаимовлиянии языка и экономики не подтвердится – что ж, отрицательный результат тоже результат. Но... [он] обязательно найдет подтверждение, но какова будет интерпретация этого тезиса – вот вопрос, на который следует дать ответ» (Ерзнкян, 1998. С. 142).

Независимо от причинно-следственной обусловленности взаимовлияния языка и экономики (социума) или поведения экономических агентов (социальных акторов), важно обратить внимание на следующее свойство языка: он, подобно прочим общественным институтам, не передается по наследству, но в отличие от них, сама возможность овладения языком как таковым наследственна. Именно это и позволяет говорить о языке как особом человеческом и общественном институте. Язык и письменность (вместе с этическими ценностями) суть «непреложное условие общественной жизни людей в целом» (Фуруботн, Рихтер, 2005. С. 337).

В табл. 2 представлены лингвистические функции языка, ознакомление с которыми, как нам представляется, позволит лучше уяснить специфику языкового фактора социальных порядков или изменений в моделях социального устройства и перекликающихся с ними изменений в обслуживающем общество языке.

Таблица 2

Лингвистические функции, согласно квалификации Бюлера и Поппера

Функции языка по их месту в иерархии	Функции языка по их смыслу	Генетическая обусловленность функции
Высшие лингвистические функции (основание мира 3 по Попперу)	Аргументативная/критическая (по Попперу) Дескриптивная/информативная / репрезентативная (по Бюлеру)	Незначительная Средней значительности
Низшие лингвистические функции	Коммуникативная/апелляционная /сигнализирующая (по Бюлеру) Экспрессивная (по Бюлеру)	Значительная Значительная

Адаптировано по: (Поппер, 2008. С. 132).

Для передачи смысла двух низших и одной высшей функций К. Бюлер использовал термины «экспрессия» (для выражения внутреннего состояния говорящего), «апелляция» («сигнализация») (для обращения к слушателю) и «репрезентация» (для представления предметов и ситуаций) (Бюлер, 2000. С. 34). К этим функциям К. Поппер добавил еще одну – высшую – функцию: аргументативную, или критическую, хотя высших функций может быть и больше, и они могут включать такие функции, как «предписания, поучения, побуждения, восхваления и унижения» (Поппер, 2008. С. 133). Все функции Бюлера генетически обусловлены, при этом низшие – в большей мере, чем дескриптивная функция. В отличие от них, функция Поппера, или «четвертая функция пока на-

ходитя в развитии и не так закреплена в нашей наследственности», хотя для нее, вне всякого сомнения, как считает Поппер, «имеется значительный генетический базис» (Поппер, 2008. С. 140).

Чтобы не было путаницы в отношении генетики, традиции и языка, отметим, вслед за Поппером, что «никакой отдельный человеческий язык не передается по наследству: каждый язык и каждая грамматика закреплены традицией», иначе говоря, они институциональны по своей природе. Но что следует особо подчеркнуть – так это то, что «желание, нужда, цель и способность или навык, необходимые для овладения грамматикой, все наследственны», ибо «мы наследуем только возможность – но и это уже очень много». Вдобавок, «язык кажется только одним, единственным из наших экзосоматических инструментов, имеющим генетическую основу» (Поппер, 2008. С. 138).

Фрэнсис Фукуяма в попытке согласования социально-культурного аспекта человеческого существования с генетикой и биологией, по существу, подтверждает приведенную мысль Поппера: природа человека такова, что он «рождается с уже существующими когнитивными структурами» и, добавим, «соответствующему возрасту способностями к обучению» (Фукуяма, 2008. С. 212).

Под влиянием, по всей видимости, идей Нозма Хомского [в отношении трансформационной грамматики, языковой способности и языковой активности, разграничения поверхностных и глубинных структур], он подчеркивает универсальный характер определяемых «лингвистическими зонами новой коры головного мозга» глубинных языковых структур при бесконечном разнообразии [поверхностных структур] человеческих языков. Подобно языку, «человеческие культуры, вероятно, отражают общие социальные потребности, определяемые не культурой, а биологией». Из этого следует, что для адекватного описания человеческой природы, а стало быть, и особенностей поведения экономических агентов, следует учесть как генетические (заложенные в виде склонностей или предрасположенностей), так и культурные (закрепляемые посредством механизма обучения) факторы (Фукуяма, 2008. С. 216). В то же время, в отличие от Хомского – теперь уже в роли не выдающегося лингвиста, а ученого широкого профиля и политического деятеля – яростного критика неолиберализма и глобального порядка, ставящих прибыль выше людей и игнорирующих принципы сотрудничества, равенства, самоуправления и индивидуальной свободы (Хомский, 2002), – Фукуяма не столь категоричен, как Хомский. В развитии общества он выделяет два параллельно идущих процесса: 1) в политической и экономической сфере процесс является прогрессивным и линейным; 2) в социальной и моральной сфере линейность дает сбой: история предстает циклической, а социальный капитал – то убывает, то возрастает. Таким образом, наличие или отсутствие линейности зависит от сферы или аспекта рассмотрения, что же касается оценки прогрессивного характера политэкономической сферы, то она однозначна: выбор – как результат, напомним, длительной эволюции конкретных стран – либеральной демократии видится американцу японского происхождения кульминацией истории и единственно жизнеспособным решением для технологически развитых стран (Фукуяма, 2008. С. 384).

Наш интерес к языку обусловлен тем, что в письменных источниках, по которым изучается история человечества, включая эволюцию социальных порядков, могут быть зафиксированы не только собственно языковые, они же институциональные, изменения, но и шире – институциональные экстралингвистические (социальные, экономические, политические и пр.) изменения. В этой связи возникает вопрос, какие черты – общие для языковых и внеязыковых изменений – мы видим в логике превращения порядков ограниченного доступа в порядки открытого доступа? Основное, что бросается в глаза, это *деконструкция* старых порядков, их [аналитическое] расчленение, сопровождаемое при этом синтезом, конструированием новых. В языке это выражается в деконструкции старого строя и замене его новым, или же – если заменить латинское слово деконструкция его греческим аналогом «анализ» – имеет место разрушение старого (синтетического) строя с установлением нового – аналитического – строя языка, если иметь в виду более чем тысячелетнюю эволюцию английского языка. Но как может существовать разрушенный язык? Только при условии «восполнения», пользуясь термином Жака Деррида, утраченных элементов таковыми, которые способны осуществить выполнение необходимых для функционирования языка функций. Деррида им пользуется, по выражению автора предисловия Н. Автономовой, применительно к структурному правилу, игре, порядку, цепи, структуре, системе, закону и пр. (Деррида, 2000. С. 27). Такие элементы в новом – аналитическом – строе языка суть предлоги, служебные слова и пр. В социальных порядках роль предлогов, служебных слов и пр. выполняют институты, без [наличия и надлежащего функционирования] которых порядки открытого доступа обречены: взамен ожидаемой свободы в политике и процветания в экономике в результате образовавшегося институционального вакуума

(или институционального нигилизма) может наступить (вернуться) политическая несвобода и экономическая деградация.

3. Мышление, его связь с языком и экстралингвистическими изменениями

Мышление традиционно объясняется с позиций логики, лежащей, в соответствии с воззрениями Декарта, Бэкона, Милля и др., в его основе. Экспериментальные достижения когнитивных наук последних десятилетий заставили ученых в этом усомниться: возникло новое понимание мышления, где место логики заняло распознавание образов. С этих позиций утверждается, что в реальности индивиды основывают свои суждения на категоризации, а не на логике, определяя ментально принадлежность интересующих их объектов к тем или иным категориям по степени их схожести абстрактному представлению о них (*Stenberg, Ben-Zeev, 2001. P. 115, 374*).

По своему характеру мышление представляется выдающемуся математику XX столетия Герману Вейлю чем-то «довольно однородным и универсальным», что «не может быть разделено водонепроницаемыми переборками на такие отсеки, как мышление историческое, философское, математическое и другое». Это не значит, что нет отличий в способах мышления представителей разных наук или областей профессиональной деятельности, они существуют, но как «скорее внешние – некоторые специфические особенности и различия» (*Вейль, 1989. С. 6*). Эти особенности позволяют конкретизировать способы мышления применительно в числе прочих к социальным наукам вообще и институциональной экономике в частности.

С учетом сказанного обратимся к экономическому образу мышления, под которым в стандартных университетских учебниках зачастую подразумевается мышление в духе неоклассической, или ортодоксальной, экономической теории. Так, например, поступает Пол Хейне, отмечая, казалось бы, вполне справедливо и объективно, что «экономический образ мышления является предвзятым» (*Хейне, 1993. С. 27*), но в то же время приписывающий, что выглядит уже достаточно предвзято и субъективно, эту самую предвзятость всей экономической теории, а не одной лишь, пусть и составляющей костяк мейнстрима, теории из целого пучка теоретических направлений экономической мысли. Уолтер Нил, напротив, делает разграничение между теориями – стандартной (правда, в весьма широком и специфическом смысле, включающем практически всю палитру течений экономической мысли) и институциональной, точнее, между их сторонниками, которых разделяет «глубокая пропасть». Причина такого расхождения и разграничения между теми, кого он называет стандартными экономистами, и теми, кто себя считает – в силу склада ума или интеллектуальной позиции – институционалистами, является в своей основе скорее философской, чем идеологической или методологической (*Neale, 1982*). Стандартное мышление свойственно философам (и не только профессиональным) «естественного права», видящим мир экономики и социальных порядков через его призму, а именно: естественно устроенным, логически обоснованным, математически подкрепленным, но оно чуждо мировосприятию институционалистов.

Под последними Нил подразумевает, судя по всему, сторонников «старой», или исходной, институциональной традиции в духе Густава Шмоллера, Джона Коммонса и др., поскольку «новые институционалисты» методологически и идеологически очень и очень близки экономистам-ортодоксам. Как верно отмечает В.М. Ефимов, «обычные обвинения со стороны новых институционалистов в адрес исходной институциональной экономики – описательность и отсутствие теории, а иногда и ангажированность – заимствованы ими от неоклассиков, от которых они ни по своим политическим воззрениям (либерализм), ни по методологическим пристрастиям (позитивизм)», практически не отличаются (*Ефимов, 2007. С. 5*).

Базируясь на лингвистических воззрениях Бенджамина Уорфа и находясь под влиянием философских идей Людвиг Витгенштейна, Нил предлагает свое – связующее язык представителей различных научных школ и их мышление вкупе с восприятием и воспроизведением изучаемой ими социально-экономической действительности – объяснение тому, почему мир предстает таким разным у экономистов различных школ. В его представлении экономисты-ортодоксы трактуют экономическую деятельность преимущественно статично, сводя – явно или неявно – все экономические понятия к существительным (*nouns*). В противоположность им, экономисты – приверженцы в большей или меньшей степени институциональной теории – мыслят экономику скорее в терминах процесса, чем объекта, отдавая предпочтение глаголам (*verbs*). Таким образом, естественно языковой образ мышления накладывает свой отпечаток на характер искусственного (в смысле различий в теоретических взглядах на экономику) языкового мышления. В целом с позицией Нила, что касается философской подоплеку существующей между экономистами – ортодоксами и инсти-

туционалистами – глубокой пропасти, можно согласиться. Правда, за три десятилетия с момента опубликования статьи Нила многое в мире научного сообщества экономистов изменилось: течения стали более специализированными, границы их более размытыми и местами даже переплетающимися, но принципиальное различие между двумя типами восприятия экономической реальности по существу осталось неизменным. К этому добавим, что некоторые авторы объединяют направления экономической мысли, развивающиеся в альтернативном ортодоксальной науке русле, в одну группу под красноречивым названием «Другой канон» (*Райнерт, 2011*), другие, не прибегая к этому наименованию, выделяют и описывают два десятка направлений неортодоксальной экономики и социальных наук об экономике (*Либман, 2007*).

Опыт современной России показывает, что сторонники неолиберального пути развития, осознанно или нет, но являются преимущественно приверженцами неоклассики, в то время как оппоненты чаще всего оказываются последователями *другого канона*, включая институциональную и эволюционную теории. Вместе с тем, что на поверхности выглядит (и является) идеологическим противостоянием, в глубинной своей основе, возможно, имеет философские корни (о которых реформаторы и/или их последователи могут и не догадываться). Вообще говоря, диаметрально противоположные точки зрения на развитие – в России не новость, это традиция, имеющая давние, в том числе философские, корни. Но проблемы реформирования России это не только проблемы экономики как науки, но и экономики как хозяйства или наоборот, поскольку все это взаимосвязано и взаимозависимо. В этой связи уместно напомнить высказывание Д.С. Львова, с сожалением констатирующего наличие сложившегося и уже успевшего укорениться глубокого размежевания граждан в российском обществе: «приходится признать факт глубокого раскола не только в нашем обществе, но и в самой экономической науке. Даже вещи, которые, казалось бы, не могут являться предметом споров, ... оцениваются совершенно по-разному. Можно подумать, что в России не одна, а две экономики – так неузнаваемы ее портреты, рисуемые разными группами экономистов» (*Львов, 2006. С. 38*). В определенном смысле такое биполярное отображение российской экономики можно объяснить особенностями этнического культурного менталитета, расположения культурных ценностей в двухполюсном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны. В этом истоки взрывного характера народа, причины его неумемного стремления кидаться из одной крайности в другую, при котором полюса общественно-ценностных диполей стремительно, по историческим меркам, меняются местами (*Клейнер, 1999. С. 11*).

Что касается математического мышления, то под ним можно понимать, вслед за Вейлем, две различные формы рассуждений: а) особую форму рассуждений математиков по отношению к внешнему, в том числе экономическому, миру; б) специфичную форму рассуждений математиков в отношении к своей собственной научной области. При этом специфически внутренняя форма рассуждений «часто представляет собой искусно составленную смесь конструктивной и аксиоматической процедур» (*Вейль, 1989. С. 6, 21*).

Применительно к экономической науке отметим, что современное экономическое магистральное течение, будучи в сильной зависимости от вполне конкретного математического инструментария, в своем описании экономической деятельности находится в весьма жестких рамках, ограничивающих релевантность для практики предлагаемых его приверженцами теоретических решений и конструктов. В.Л. Макаров (*Макаров, 2009*) называет сложившуюся ситуацию кризисом математической науки (предлагая в качестве альтернативы обращение к компьютерному моделированию так называемых искусственных обществ), а В.М. Полтерович (*Полтерович, 1998*) – кризисом экономической науки (имея в виду, по существу, кризис именно магистрального течения экономической науки и предлагая свои ориентиры для выхода за его рамки).

Почему же такого рода кризисы стали неотъемлемой частью современного научного ландшафта? Может, пребывание в кризисе является для экономической науки, по выражению О.Ю. Мамедова, естественным состоянием, ибо, будь это не так, получилось бы, что экономическая наука «нашла ответы на все вопросы и что экономистам пора заняться иным делом» (*Мамедов, 2010. С. 8*)? В этом, конечно, есть доля правды, но хотелось бы дать более точный ответ в релевантных для тематики настоящей статьи понятиях. На наш взгляд, причина кризиса в науке объясняется тем, что решение реально существующих экономических проблем подменяется решением проблем-субститутов, т. е. таковых, которые могут быть сначала сформулированы на языке доступной исследователю экономической теории, а уж затем решены. Воспринимая мир через призму такого языка, исследователь формулирует и предлагает решение – но уже не существующей вне языкового контекста, а структурированной с неизбежностью языком – проблемы. Если это – язык равновесных систем, то и весь

текст – формулировка проблемы и ее решение – будет равновесно системным. Если используется язык неравновесных систем, то и решение будет соответствующим. Возникшую ситуацию можно назвать ситуацией когнитивного диссонанса, вызванного «продолжающимся/усиливающимся разрывом между реально наблюдаемыми (*индивидуальными*) институциональными фактами и объяснительной базой стандартных (*общих*) представлений об экономическом мироустройстве» (Yerznkyan, 2012. P. 32). При этом зачастую предпочтение одного языка (скажем, неоклассического) другому (скажем, институциональному) принимает форму предпочтения одной идеологической установки другой. Все в соответствии с формулой, если прибегнуть к жаргону системных программистов: «Мусор на входе – мусор на выходе» (Фоули, 2012).

Применение математики, сколь бы сложной она не была, приближению к реальности – в смысле ее адекватного отражения и формализованного представления – не способствует. Скорее наоборот, изучаемая проблема оказывается под двойным, если так можно выразиться, языковым гнетом – на абстракцию языка экономической науки накладываются не связанные с реальностью средства математического языка, имеющегося в распоряжении исследователя. В результате формула удваивается: «Двойной мусор на входе – двойной мусор на выходе». Сказанное можно резюмировать следующим образом: природа – не онтологическая, а формально-символическая – отмеченных кризисов науки идентична, и вызвана она применением к изучаемой экономической реальности экономико-математического языка, который – просто в силу того, что его возможности ограничены, или, скажем так, слабо соотносены с действительностью – не в состоянии дать ее адекватное описание. Проще говоря, их природа языковая, и решение – в том числе самого кризиса – следует искать в подборе соответствующего, могущего послужить в качестве релевантного инструмента исследования, научного языка.

Радикальное решение проблемы того, что мы назвали «двойным гнетом языка», предлагают «австрийцы»: вместо поиска соответствующего математического языка они предлагают вообще отказаться от математики как инструмента, абсолютно непригодного для экономического анализа. «Уже в момент зарождения австрийской школы, – напоминает один из ведущих ее последователей Хесус Уэрта де Сото, – ее основатель Карл Менгер счел нужным заявить: преимущество слов над математическими формулами в том, что словами можно выразить сущность (*das Wesen*) экономических явлений, а формулами – нет» (Уэрта де Сото, 2011. С. 41–42). Радикализм Менгера можно объяснить успешным применением математических методов для описания [непредпринимательского] поведения рациональных агентов и [статических] моделей равновесия – предмета изучения в неоклассической экономике, который резко диссонирует с динамическим и принципиально творческим миром, миром сущностных явлений, изучаемым сторонниками австрийской школы. Но самое главное, это то, что статический подход к изучению динамической ситуации, замаскированной – пусть и с благими намерениями – языковыми средствами под ситуацию-статическую, является грубой подменой реальности.

Обратимся вновь к противопоставлению существительного и глагола как знаковой, по Нилу, особенности, отличающей неоклассическое понимание экономики от институционального мировосприятия. Суть противопоставления не просто в том, что в одном случае употребляется существительное, а в другом – глагол, но в том, что существительное – в том смысле и контексте, который встречается в неоклассике, – искажает истинную суть дела, являясь выражением статического подхода, синхронизирующего, по словам Ганса Майера, «ситуацию, которая в реальности представляет собой процесс». Иными словами, лингвистическое противопоставление выходит за свои пределы, затрагивает мышление и через него опыт – практическую деятельность, базирующуюся на том или ином теоретическом фундаменте. Но вся беда в том, что «когда мы рассматриваем *порождающий процесс* «статически», т. е. как *состояние покоя*, мы выхолащиваем саму его суть» (Mayer, 1994. P. 92). Ту же самую мысль Уэрта де Сото резюмирует следующим образом: «использование математики в экономической теории неадекватно потому, что математические формулы синхронно связывают друг с другом разнородные с точки зрения времени и предпринимательского творчества величины» (Уэрта де Сото, 2011. С. 42).

Порочную практику подмены динамичности статичностью С.Ю. Глазьев объясняет на примере формулы количественной теории денег: $PT=MV$ (где P – цены; T – объем товарной массы; M – объем денежной массы; V – скорость обращения денег). *Во-первых*, она представляет собой не поддающееся доказательству и верификации тождество, интерпретируемое как аксиома и служащее источником теоретических постулатов в целях выработки практических рекомендаций в отношении макроэкономической политики. *Во-вторых*, ее истинность сомнительна, а утверждения с опорой

на нее ложны, поскольку она «отражает статичное состояние экономики в абстрактных моделях рыночного равновесия с нереалистичными предпосылками», которые в действительности не соблюдаются. В-третьих, даже если внести в формулу зависимости, отражающие экономические реалии, «переменные данного тождества могут изменяться независимо друг от друга. В реальности экономика никогда не воспроизводит состояние равновесия; в каждый момент времени она переходит в новое состояние со своими значениями переменных монетаристского тождества» (Глазьев, 2011. С. 176–177, 181).

Возвращаясь к проблеме подбора адекватного языка, подчеркнем, что язык и описываемый с его помощью объект изучения, будучи, несомненно, автономными сущностями, тем не менее, не являются полностью свободными от потенциального влияния друг на друга. Поэтому их уместно рассматривать в комплексе и в более широком контексте, из чего следует, что подбор научного языка не должен сводиться только к поиску собственно языка, пригодного для описания [в общем случае, меняющейся] реальности в рамках старой [неменяющейся] парадигмы, он должен включать также и обновление самой парадигмы *per se*.

Такая смена парадигмы может иметь значение, не меньшее, если не сказать большее, чем выбор языка описания реально существующей экономической проблемы. Так, в условиях [новой] реальности истощения природных ресурсов на Земле, следование [старой] парадигме экономики свободных рынков и конкуренции, основанной на хищническом отношении к окружающей среде, с неизбежностью приведет глобальную экологическую [а вместе с ней] и экономическую систему к краху. При этом «изменения и перераспределение власти» – в соответствии с логикой парадигмы – «столь интенсивны, что разъедают старые общественные институты быстрее, чем может быть установлен новый порядок». Признаки этого уже заметны: «страны, до сих пор наслаждавшиеся процветанием, сейчас пожирают социальную составляющую своей структуры даже быстрее, чем они уничтожают окружающую среду», и наиболее зримо это проявляется в самих Соединенных Штатах Америки (Мартин, Шуманн, 2001, С. 27) – стране с образцовыми порядками открытого доступа. Это в полной мере относится и к странам с порядками ограниченного доступа, но со стремлением приблизиться к стандартам потребления развитых государств: «Если нагрузка на природу, в связи со всем этим, – задает, имея в виду попытки некритического заимствования институтов и технологий, резонный вопрос О.С. Сухарев, – высока и только увеличивается, то насколько адекватна стратегия опережающего развития и догоняющего развития» (Сухарев, 2011. С. 36)?

В этой связи актуализируется проблема смены экономической парадигмы, если и не в плане поиска *третьего пути* [социально-экономического развития на основе гуманизма, обеспечения действенного контроля над природно-ресурсным потенциалом Земли, соблюдения прав и свобод граждан, социальной защиты (Львов, 2001. С. 11)], то хотя бы в плане смягчения последствий насилия над природой.

Из заслуживающих внимания предложений по концептуализации новой парадигмы, основанной на отказе от враждебного отношения человека к природе, ее бездумной эксплуатации и покорения, отметим доктрину, которая базируется на так называемом *принципе достаточности*. В авторской формулировке принцип гласит: «Человечество должно разумно ограничить свои потребности, научиться производить и потреблять всего лишь достаточное число товаров в достаточном количестве» (Гатауллин, Малыхин, 2010. С. 20). Особо отметим, что речь идет о человечестве без его привязки к конкретной стране и ее экономике, и в этом смысле эколого-экономические проблемы являются глобальными, равно как и распространившиеся по всему миру и оправданные идеологами свободной рыночной экспансии воззрения на природу как на неиссякаемый источник ресурсных поступлений.

4. Специфика лингвистических изменений

Будем проводить различие между языковыми изменениями (*languagechange*), которые относятся к изменениям (в частности, грамматического строя) конкретного языка во времени (а возможно, и в пространстве), и языковыми сдвигами (*languageshift*), имеющими отношение к смерти языка (утрате его носителями) и/или вытеснению одного языка другим. В современной теоретической лингвистике признается «тот очевидный факт, что язык изменяется и что разные языки связаны друг с другом в различной степени». При этом важно подчеркнуть, что «изменение языка не является простой функцией времени, но определяется общественными и географическими условиями» (Лайонз, 1978. С. 51). Последнее обстоятельство имеет существенное значение для разграничения

изменений, вызванных сугубо внутриязыковой логикой развития, и изменений, обусловленных внешними по отношению к языку факторами. Языковые изменения могут со временем разнести один и тот же язык или связанные близким родством языки до такой степени, что в языках-потомках трудно (или почти невозможно) будет узнать их породившего предка. Родственность языков устанавливается с помощью генеалогической классификации. Так, английский и немецкий, к примеру, происходят из одного протогерманского языкового коллектива, в то время как французский и прочие романские языки – из латыни; вместе они входят в одну и ту же индоевропейскую языковую семью. В табл. 3 приведены сведения о близости некоторых европейских языков, из которых видно, что германские языки близки друг к другу, романские также, вместе они, плюс греческий, будучи членами индоевропейской семьи, находятся в сильной отдаленности от финского как представителя угро-финской языковой семьи.

Таблица 3

Близость языков (x 1000)

Язык	Английский	Французский	Немецкий	Испанский
Датский	407	759	293	750
Голландский	392	756	162	742
Английский	0	764	422	760
Финский	1000	1000	1000	1000
Французский	764	0	756	266
Немецкий	422	764	0	747
Греческий	838	843	812	833
Итальянский	753	197	735	212
Португальский	760	291	753	126
Испанский	760	266	747	0
Шведский	411	756	305	747

Источник: (Dyenetal, 1992).

В обозначениях табл. 3, чем меньше значение, тем ближе языки: 0 ноль указывает на тождественность языка себе, 126 означает, что наиболее близкими языками являются испанский и португальский, далее идут немецкий и голландский со значением 162, об отдаленности греческого свидетельствуют значения 838, 843, 812 и 833 и замыкает картину финский (1000). Лингвистами часто используется демонстрация поля цвета для иллюстрации того, «как одна и та же субстанция может иметь различную форму, налагаемую на нее различными языками» (Лайонз, 1978. С. 456). Мысль о том, «что релевантными для языка определениями субстанции цвета» считать избираемые в качестве основных измерений естественными науками «вряд ли всегда нужно» подводит к интересному выводу. Его можно сформулировать следующим образом: «язык конкретного общества является составной частью его культуры и что лексические разграничения, проводимые каждым языком, обычно отражают важные (с точки зрения этой культуры) свойства объектов, установлений и видов деятельности того общества, в котором функционирует язык» (Лайонз, 1978. С. 456–457).

Социальные порядки онтологически связаны с социальной реальностью, к сфере которой в числе иных относится и языковая система. Говоря об имманентно динамическом характере языковой системы как принадлежащей к сфере социальной реальности, Тони Лоусон подчеркивает феномен ее существования в постоянном процессе становления: «языковая система непрерывно воспроизводится и, по меньшей мере, в некоторых ее аспектах, преобразуется» (Lawson, 2005. P. 496). Такие преобразования могут оказаться весьма информативными. Основная мысль, которую хотелось донести в статье, может быть выражена следующим образом: *происходящие на протяжении длительного периода времени системные трансформации языка могут содержать в себе информацию, являющуюся отражением трансформаций социальной реальности*. Именно этот рефлексивный аспект и ценен для постижения с помощью [анализа] языковых изменений внеязыковых изменений, в частности изменений порядков доступа агентов (принадлежащих к элите либо нет) к экономической деятельности и соответствующих им результатам по схеме «от примитивно-общественного устройства через естественно-государственные (ограниченные) порядки к продвинуто-государственному (открытому) устройству социальной организации».

Лингвистические изменения характеризуются множеством признаков, из которых акцент нами делается лишь на одном, но ключевом признаке – характере структурного типа, или строя [как спо-

соба выражения грамматических категорий] языка. Так, общеизвестно, что романские языки произошли от латыни, при этом строй этих языков изменился коренным образом: синтетический строй латыни трансформировался в аналитический строй современных романских языков. Все остальные языковые признаки или характеристики связаны в той или иной мере с этими изменениями, взять хотя бы то, что «латинскому языку присуща расчлененность грамматической информации в именной группе, романским языкам – ее централизация» (Алисова и др., 1982. С. 38).

В табл. 4 приведена классификация языков по их строю (синтетическому или аналитическому).

Понятия языковых типов – синтетического или аналитического – являются относительными: в чистом виде они не встречаются (Гринберг, 1963). Даже в китайском языке, являющемся классическим изолирующим языком, «существует два способа образования слов: синтетический (посредством специальных морфем) и аналитический (посредством служебных слов)» (Горелов, 1989. С. 22). Несмотря на это (и то, что ныне преобладают слова из двух и более морфем) китайский язык лингвисты относят к изолирующим языкам. Попутно приведем некоторые количественные характеристики слогового (морфемного) состава древнего и современного китайского языка: в древнекитайском языке односложные (простые, корневые) слова составляют около 66%, многосложные – около 34%; в современном китайском языке это же соотношение составляет 24,6% и 75,4%; двухсложные слова составляют около 85% всех сложных слов (Горелов, 1989. С. 19).

Таблица 4

Аналитический и синтетический строй языка

Строй языка	Характеристики	Примеры языков
Синтетический (флективный)	Развитая, грамматически полноценная флексия	Латинский / Греческий Славянские
Синтетический (агглютинативный)	Наличие словообразовательных швов	Урало-алтайские (особенно, тюркские)
Аналитический (изолирующий)	В идеале: одна морфема – одно слово, в реальности: две (и больше)	Вьетнамский Китайский (древний ближе к идеалу)
Аналитический (нефлективный)	Доминирование служебных слов в выражении грамматических категорий	Английский (в большей степени) Германские и романские (в меньшей степени)

Источник: составлено автором.

Наиболее известным измерителем меры синтеза языка (сложности слова) является индекс синтетичности (предложенный – наряду с другими показателями языковой структуры – Дж. Гринбергом), который образуется как частное от деления морфем на число слов. Теоретически нижний предел равен 1,00, высшего предела не существует, но на практике выше 3,00 встречается редко. Чем меньше значение показателя синтетичности, тем более аналитическим является язык. Приведем несколько примеров: эскимосский – 3,72, санскрит – 2,59, англосаксонский – 2,12, современный английский – 1,68, вьетнамский – 1,06. Что касается английского языка, то его синтетичность по мере своего развития, происходящего более или менее синхронно с институциональным развитием английского общества, стала уменьшаться, и в итоге изначально синтетический строй старого английского, тогда еще (примерно полторы тысячи лет тому назад) набора германских языков, постепенно трансформировался в строй аналитический.

Чем можно объяснить происходящие на протяжении одного–двух тысячелетий изменения в индоевропейских языках – германских и романских – Европы, в которых преимущественно синтетический строй языка трансформировался в (опять-таки преимущественно) языковой аналитический строй? Одно из объяснений (данное Р. Раском и Я. Гриммом) таково: «...в языке тогда начинают усиливаться аналитические черты, когда по тем или иным причинам падает уровень преемственности при передаче языкового опыта от поколения к поколению. В наибольшей мере преемственность страдает вследствие бурного смешения народов и культур, требующего выработки общего для всех языка, предельно простого для его освоения. Формирующийся в таких условиях аналитический строй, в предельном своём проявлении, приближается к корнеизоляции» (Мельников, 2000. С. 29).

В завершение подчеркнем относительный характер как синтетичности, так и способа (способов) ее измерения; более того, «поскольку язык может быть и часто бывает сравнительно изолирующим относительно определенных классов слов, подсчеты, которые бы проводились на всех словах языка и которые бы учитывали каждое слово только один раз, могли бы привести к совершенно иным результатам» (Лайонз, 1978. С. 201). Для сравнения: по подсчетам, сделанным в 1951 г., индекс синтетичности английского языка составлял 1,62; по подсчетам, сделанным в другое время, в 1953 г., и на другом материале, индекс равнялся 1,68. Поскольку время в данном случае с исторической точки зрения одномоментное, то различие в полученных значениях индекса объясняется исключительно подобранным материалом. Тем не менее это различие в принципе не существенно, так что оба значения в целом передают [сравнительно] аналитический характер строя современного английского языка с высокой степенью точности.

5. *Последствия естественного и навязанного институционального развития*

Авторы концепции порядков открытого доступа, при всем их внимании к особенностям институциональных устройств различных стран, тем не менее, исходят – и в этом их *апостериорные выводы* пересекаются с *априорными убеждениями* [некритических] приверженцев неолиберальной доктрины в своей правоте – скорее из *универсальности*, чем *сингулярности* опыта англосаксонского и шире – западноевропейского мира. Опыт таких или, во всяком случае, очень схожих с ними порядков, напомним, означает в терминологии Гидденса как «современность» (*modernity*) – «способы социальной жизни или организации, которые возникли в Европе, начиная примерно с XVII века и далее, и влияние которых в дальнейшем более или менее охватило весь мир». Так вот, можно сказать, что на вопрос того же Гидденса: «Является ли современность западным проектом?» (Гидденс, 2011. С. 111, 322), ответ был бы скорее утвердительным, чем отрицательным.

Но откуда такая убежденность (что исходящая из конкретного западного опыта и по многим параметрам достойная заимствования модель современной организации мироустройства – и в этом смысле это действительно западный проект – будет, пусть не сразу, со скрипом, но все-таки непременно подхвачена и скопирована чуждыми этому опыту странами иной, восточной традиции)? Наиболее простое объяснение, по всей видимости, заключается в типичном для большинства американцев, в том числе экономистов (некоторых, по крайней мере), образе мышления: «Поскольку экономическая мысль основывается прежде всего на американском опыте, у экономистов не возникает сомнений в том, что капитализм следует экспортировать в другие страны». Для этого «достаточно американское право и институты, и капитализм расцветет немедленно. Так было в Соединенных Штатах, почему это должно быть как-то иначе в других странах?» (Rajan, Zingales, 2004. С. 1).

Но при всей замечательности – для себя – этого опыта считать его результат в виде действующих порядков открытого доступа безальтернативным – для других – и потому надлежащим к внедрению в практику социального устройства остального мира даже ценой применения насилия, было бы проявлением, как минимум, алогичности. Тем более, что «замечательный» характер собственного опыта не такой уж и бесспорный: достаточно вспомнить мысль Эриха Фромма о построенном на теоретико-методологическом фундаменте радикального гедонизма западном обществе как обществе «хронически несчастных людей, мучимых одиночеством и страхами, зависимых и униженных, склонных к разрушению и испытывающих радость уже оттого, что им удалось «убить время», которое они постоянно пытаются сэкономить» (Фромм, 2012. С. 15).

Навязанные институциональные изменения, как правило, приводят не к развитию, а к дезорганизации системы, выраженной в тех или иных формах. Так, заимствование институтов может иметь результатом их экзаптацию, представляющую собой «ситуацию, когда институт после его внедрения в эволюционно сложившуюся институциональную организацию экономики выполняет функции, которые не планировались и не учитывались при его импорте или выращивании» (Вольчик, Бережной, 2012. С. 166). Насаждение институтов в не подготовленную для этого институциональную средовую почву может привести к состоянию институционального вакуума, а то и институционального нигилизма, характеризуемого в числе прочих интернациональной блокадой реалистических институциональных изменений (Dražković, Drašković, 2012. P. 123).

О том, что может дать следование курсу либеральных реформ любой ценой или отказ от него, свидетельствуют некоторые качественные характеристики России и стран постсоветского пространства в сопоставлении с Китаем и Вьетнамом. Весьма симптоматично, что в последних двух странах успехи были достигнуты при однопартийном правительстве (Норт и др., 2012. С. 31), что в корне противоречит типовым рекомендациям либералов (табл. 5).

Таблица 5

Состояние экономического развития до и после либеральных реформ

Страны	Высокий уровень развития до реформ	Синтетичность языкового строя	Склонность к революциям	Реформы по рецептам неолиберальной доктрины	Спад во время реформ	Высокие темпы роста после реформ
Китай Вьетнам	–	–	–	–	–	+
Россия СНГ	+	+	+	+	+	–

Источник: составлено автором.

Заключение

Учет когнитивных, прежде всего мыслительных и языковых, аспектов институционального развития имеет – для адекватного понимания происходящих в обществе на протяжении длительного периода времени изменений, эволюции социальных порядков – существенное значение. С когнитивными факторами соотносятся остальные факторы институциональной природы, влияющие на формирование облика социальных порядков, характер и устройство общества. В зависимости от трактовки такого соотношения – прямого соответствия, одностороннего или обоюдостороннего влияния, наличия или отсутствия каузальности и пр. – возможны различные интерпретации институциональных изменений.

Не все вопросы, связанные с когнитивными аспектами, удалось рассмотреть; многие остались за рамками исследования. Среди них: существует ли корреляция между языковыми изменениями и социальными, приведшими в итоге к трансформации естественных государств, или обществ с ограниченным доступом, в порядки открытого доступа? И если да, то где уверенность, что эта корреляция не является ложной? Как увязать изначально (по крайней мере, на протяжении истории, сопоставимой с европейской) аналитический строй китайского языка с [конфуцианскими и коммунистическими] порядками ограниченного доступа к политике и экономике, с одной стороны, и бурным экономическим развитием страны (при всех ее проблемах) – с другой?

В поисках ответа на эти и другие вопросы следует помнить о несостоятельности чисто механического переноса элементов институционального развития из развитых обществ в общества, нуждающиеся в социально-экономическом обновлении. Здесь уместна языковая аналогия: «Важным вкладом в науку с лингвистической точки зрения было бы более широкое развитие чувства перспективы. У нас больше нет оснований считать несколько сравнительно недавно возникших диалектов индоевропейской семьи и выработанные на основе их моделей приемы мышления вершиной развития человеческого разума. Точно так же не следует считать причиной широкого распространения этих диалектов в наше время их большую пригодность или нечто подобное, а не исторические явления, которые можно назвать счастливыми только с узкой точки зрения заинтересованных сторон» (*Уорф, 1960*). Сказанное вполне применимо и к социальным порядкам: нет никаких оснований считать порядки открытого доступа, установившиеся в исторически определенных обстоятельствах в одних странах, обязательными для их копирования другими лишь по той причине, что сторонники открытого доступа *убеждены* в своей правоте и *жаждут* выполнения миссии.

Если отбросить злой или ангажированный умысел-подтекст в мыслях и действиях либералов, то для здравого и осмысленного объяснения причин их непоколебимой убежденности и миссионерского зуда можно предложить следующую логику рассуждений по схеме: «убеждения – эстетика – этика – действия». А именно, истоки убежденности – *эстетические* (эффективные в экономическом смысле порядки открытого доступа оцениваются как «хорошие», соответственно, неэффективные порядки ограниченного доступа – как «плохие»). Поскольку же эстетика имеет свойство порождать этику, то они одновременно и *этические* (открытые порядки несут «добро», ограниченные – «зло»). А раз так, то несение в неразумные отсталые массы этических идей «добра» (оцениваемых эстетически на «хорошо») порядков открытого доступа не может не выступать миссией, которая подлежит выполнению даже ценой принудительного их насаждения в недоразвитых обществах. Таков вот типичный ход рассуждений [даже не поклонников, а] миссионеров свободных рынков и открытых порядков.

Чтобы избежать перенесения такой аргументации на [дуалистическую в своей ментальности-основательности] отечественную институциональную почву и/или смягчить последствия (коль скоро реализация давно уже в разгаре) заложенного в ней потенциального вреда для практики, необходимо в обязательном порядке ориентироваться на унаследованные от предков институциональные особенности и адаптационные способности, присущие России. Отсюда наше настойчивое стремление к привлечению внимания, в особенности лиц, ответственных за [инновационное, в том числе] развитие страны, к когнитивным аспектам институциональных преобразований, призванного подвести их, желательно еще на стадии до принятия решений, к мысли о необходимости учета динамической специфики страны как категорическом императивном требовании, без соблюдения которого успех невозможен.

ЛИТЕРАТУРА

- Алисова Т.Б., Репина Т.А., Таривердиева М.А. (1982). Введение в романскую филологию. М.: Высшая школа.
- Бюлер К. (2000). Теория языка: Репрезентативная функция языка. М.: ИГ «Прогресс».
- Вейль Г. (1989). Математическое мышление. М.: Наука.
- Вольчик В.В., Бережной И.В. (2012). Отбор и экзаптация институтов: роль групп специальных интересов / В кн. Архипов А.Ю., Курдина С.Г., Мартишин Е.М. (ред.) Эволюционная и институциональная экономическая теория: дискуссии, методы и приложения. Глава 8. СПб.: Алетейя, с. 165–187.
- Гатауллин Т.М. Малыхин В.И. (2010). Экономическая теория и принцип достаточности: монография. М.: ГУУ.
- Гидденс Э. (2011). Последствия современности. М.: Практикс.
- Глазьев С.Ю. (2011). Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М.: Изд. дом «Экономическая газета».
- Горелов В.И. (1989). Теоретическая грамматика китайского языка. М.: Просвещение.
- Гринберг Дж. (1963). Квантитативный подход к морфологической типологии языков / В кн. Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Наука, с. 60–94.
- Деррида Ж. (2000). О грамматологии. М.: Ad Marginem.
- Ерзнкян Б. (1998). Кэйрэцу как эзотерическое слово // *Знакомьтесь – Япония*, № 21, с. 138–142.
- Ефимов В.М. (2007). Об интерпретативной институциональной экономике (научный доклад). М.: ИЭ РАН.
- Капица С.П. (1999). Общая теория роста человечества. М.: Наука.
- Клейнер Г.Б. (1999). Политика социально-экономической стабилизации: условия, содержание, институты (вместо предисловия) / В кн. Клейнер Г.Б. (ред.) Пути стабилизации экономики России. М.: Информэлектро.
- Лайонз Дж. (1978). Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс.
- Либман А.М. (2007). Экономическая теория и социальные науки об экономике: некоторые направления развития (научный доклад). М.: Институт экономики РАН.
- Львов Д.С. (2006). Миссия России (Гражданский манифест). М.: Институт экономических стратегий.
- Львов Д.С. (2001). Предисловие к русскому изданию / В кн. Мартин Г.-П., Шуманн Х. (2001). Западная глобализация: атака на процветание и демократию. М.: Изд. дом «АЛЬПИНА», с. 10–15.
- Макаров В.Л. (2009). Искусственные общества и будущее общественных наук. СПб.: Изд-во СПбГУП.
- Мамедов О.Ю. (2010). Экономика и экономисты (мучительные вопросы – смутные ответы) // *Terra Economicus*, т. 8, № 2, с. 5–9.
- Мартин Г.-П., Шуманн Х. (2001). Западная глобализация: атака на процветание и демократию. М.: Изд. дом «АЛЬПИНА».
- Мартишин Е.М. (2012). Методологический инструментарий эволюционного исследования экономики / В кн. Архипов А.Ю., Курдина С.Г., Мартишин Е.М. (ред.) Эволюционная и институциональная экономическая теория: дискуссии, методы и приложения. Гл. 6. СПб.: Алетейя, с. 133–157.
- Мельников Г.П. (2000). Системная типология языков: Синтез морфологической классификации языков со стадильной: курс лекций. М.: Изд-во РУДН.
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала».

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара.

Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. (2012). В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Поланьи М. (1985). Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс.

Полтерович В.М. (1998). Кризис экономической теории // *Экономическая наука современной России*, № 1, с. 46–66.

Поппер К. (2008). Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия. М.: Изд-во ЛКИ.

Райнерт Э.С. (2011). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Издат. дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики.

Расков Д.Е. (2005). Экономическая теория как риторика // *Вестник СПбГУ*, сер. 5, вып. 3, с. 13–30.

Слобин Д., Грин Дж. (1976). Психолингвистика. М.: Прогресс.

Сухарев О.С. (2011). Экономический рост, благосостояние и институциональные изменения // *Журнал институциональных исследований*, т. 3, № 3, с. 19–39.

Уорф Б.Л. (1960). Наука и языкознание / В кн. Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностранной литературы, с. 169–182.

Уэрта де Сото Х. (2011). Социально-экономическая теория динамической эффективности. Челябинск: Социум.

Фоули Д. (2012). Математический формализм и политэкономическое содержание // *Вопросы экономики*, № 7, с. 82–95.

Фромм Э. (2012). «Иметь» или «быть». М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат.

Фукуяма Ф. (2008). Великий разрыв. М.: АСТ.

Фурботн Э.Г., Рихтер Р. (2005). Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: Изд. дом Санкт-Петерб. гос. ун-та.

Хейне П. (1993). Экономический образ мышления. М.: Изд-во «Дело» при участии Изд-ва «Catalaxu».

Ходжсон Дж. (1997). Жизнеспособность институциональной экономики / In. *Evolutionary Economics at the Threshold of the XXI century. Papers and Presentations by Participants of the International Symposium*. Moscow: Japan Today Publ., pp. 29–74.

Хомский Н. (2002). Прибыль на людях. М.: Праксис.

Acemoglu D. (2002). Why not a Political Coase Theorem? Social Conflict, Commitment and Politics // *NBER Working Paper*, no. 9377, December. Available at: <http://www.nber.org/papers/w9377>.

Djankov S. et al. (2002). The Regulation of Entry // *Quarterly Journal of Economics*, vol. CXVII.

Dražković V., Drašković M. (2012) Institutional Nihilism as a Basis for Anti-Development Policy // *Montenegrin Journal of Economics*, vol. 8, no. 1, pp. 119–136.

Dyen I., Kruskal J.B., Black P. (1992). An Indo-European Classification: A Lexicostatistical Experiment // *Transactions of the American Philosophical Society*, vol. 82, no. 5, pp. 1–132.

Greif A. (1994). Cultural Beliefs and the Organization of Society: A Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Societies // *The Journal of Political Economy*, vol. 102, no. 5, pp. 912–950.

Hockett C.F. (1954). Chinese versus English: An Exploration of the Whorfian Theses / In: *Hojfer H. (ed.) Language in Culture*. Chicago: Chicago University Press.

Klamer A. (1984). The New Classical Macroeconomics: Conversations with New Classical Macroeconomists and their Opponents. Brighton: Harvester Wheatsheaf.

Lawson T. (2005). The Nature of Heterodox Economics // *Cambridge Journal of Economics*, vol. 30, no. 4, pp. 483–505.

Mayer H. (1994). The Cognitive Value of Functional Theories of Price: Critical and Positive Investigations Concerning the Price Problem / In: *Kirzner I.M. (ed.) Classics of Austrian Economics: A Sampling in the History of a Tradition*. Vol. II. London: William Pickering.

McCloskey D. (1985). The Rhetoric of Economics. Madison: University of Wisconsin Press.

Neale W.C. (1982). Language and Economics // *Journal of Economic Issues*, vol. 16, no. 2, pp. 355–369.

North D. (2005). Understanding the Process of Economic Change. Princeton: Princeton University Press.

- Rajan R.G., Zingales R. (2004). Путь к процветанию: спасение капитализма от капиталистов // *Transition (Экономический вестник о вопросах переходной экономики)*, № 1.
- Searle J.R. (2005a). *Consciousness and Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Searle J.R. (2005b). What Is an Institution? // *Journal of Institutional Economics*, vol. 1, no. 1, pp. 1–22.
- Sternberg R.J., Ben-Zeev T. (2001). *Complex Cognition. The Psychology of Human Thought*. Oxford: Oxford University Press.
- Yerznkyan B.H. (2012). Institutional Economics at the Crossroads: A View from Russia // *Montenegrin Journal of Economics*, vol. 8, no. 1, pp. 27–45.

REFERENCES

- Alisova T.B., Repina T.A. and Tariverdieva M.A. (1982). Introduction in Romanic Philology. Moscow: Higher School Publ. (In Russian).
- Bühler K. (2000). *Theory of Language: Representative Function of Language*. Moscow: Progress Publ. (In Russian).
- Chomsky N. (2002). Profit over People. Moscow: Praxis Publ. (In Russian).
- De Soto J.H. (2011). *The Theory of Dynamic Efficiency*. Chelyabinsk: Socium Publ. (In Russian).
- Derrida J. (2000). On Grammatology. Moscow: Ad Marginem. (In Russian).
- Erznkyan (Yerznkyan) B. (1998). Keiretsu as an Esoteric Word. *Meet – Japan [Znakomtes – Yaponia]*, no. 21, pp. 138–142. (In Russian).
- Foley D. (2012). Mathematical Formalism and Political-Economic Content. *Voprosy ekonomiki*, no. 7, pp. 82–95. (In Russian).
- Fromm E. (2012). «To Have» or «to Be». Moscow: AST: Astrel: Poligraphizdat Pubs. (In Russian).
- Fukuyama F. (2008). *The Great Disruption*. Moscow: AST Publ. (In Russian).
- Furubotn E.G. and Richter R. (2005). *Institutions and Economic Theory. The Contribution of the New Institutional Economics*. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University Publ. (In Russian).
- Gataullin T.M., Malykhin V.I. (2010). *Economic Theory and the Principle of Sufficiency*. Moscow: State University of Management Publ. (In Russian).
- Giddens A. (2011). *The Consequences of Modernity*. Moscow: Praxis Publ. (In Russian).
- Glaziev S.Yu. (2011). Lessons from another Russian Revolution: the Collapse of the Liberal Utopia and a Chance for the «Economic Miracle». Moscow: Economic Newspaper Publ. (In Russian).
- Gorelov V.I. (1989). *Theoretical Grammar of the Chinese Language*. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian).
- Greenberg J. (1963). A Quantitative Approach to the Morphological Typology of Languages / In: *New in Linguistics. Issue 3*. Moscow: Nauka Publ., pp. 60–94. (In Russian).
- Heyne P. (1993). *The Economic Way of Thinking*. Moscow: Delo Publ. with the participation of the Catalaxy Publ. (In Russian).
- Hodgson J. (1997). The Viability of Institutional Economics. Moscow: Japan Today, pp. 29–74 (In Russian).
- Kapitsa S.P. (1999). *The General Theory of Human Population Growth*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Kleiner G.B. (1999) The Policy of the Social-Economic Stabilization: Conditions, Content, Institutions (Instead of Preface) / In *Kleiner G.B. (ed.) Ways of Stabilization of the Economy of Russia*. Moscow: Informelektro Publ. (In Russian).
- Libman A.M. (2007). *Economic Theory and Social Sciences on Economy: Some Ways of Development (Scientific Paper)*. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Lvov D.S. (2001). Preface to the Russian Edition / In *Martin H.-P. and Schumann H. Entrapment of Globalization: the Attack on Prosperity and Democracy*. Moscow: ALPINA Publ., pp. 10–15. (In Russian).
- Lvov D.S. (2006). *Mission of Russia (Civil Manifesto)*. Moscow: Institute of Economic Strategies Publ. (In Russian).
- Lyons J. (1978). *Introduction to Theoretical Linguistics*. Moscow: Progress Publ. (In Russian).
- Makarov V.L. (2009). *Artificial Societies and Future of Social Sciences*. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences Publ. (In Russian).
- Mamedov O.Yu. (2010). Economy and Economists (Agonizing Questions and Opaque Answers). *Terra Economicus*, vol. 8, no. 2, pp. 5–9.

Martin H.-P. and Schumann H. (2001). *Entrapment of Globalization: the Attack on Prosperity and Democracy*. Moscow: ALPINA Publ. (In Russian).

Martishin E.M. (2012). *Methodological Tools of Evolutionary Studies in Economics* / In Arkhipov A.Yu., Kirdina S.G. and Martishin E.M. (eds.) *Evolutionary and Institutional Economic Theory: Discussions, Methods and Implications*. Ch.6. Saint-Petersburg: Aleteiya Publ., pp. 133–157. (In Russian).

Melnikov G.P. (2000). *Systemic Typology of Languages: Synthesis of Morphological Classification of Languages with Stage: a course of lectures*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia Publ. (In Russian).

North D. (1997). *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*. Moscow: Fund of Economic Book «Nachala» Publ. (In Russian).

North D., Wallis J. and Weingast B. (2011). *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Moscow: State University – Higher School of Economics Publ. (In Russian).

North D., Wallis J., Webb S. and Weingast B. (2012). *In the Shadow of Violence: Lessons for Societies with Limited Access to Political and Economic Activities*. Moscow: State University – Higher School of Economics Publ. (In Russian).

Polanyi M. (1985). *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy*. Moscow: Progress Publ. (In Russian).

Polterovich V.M. (1998). *The Crisis of Economic Theory*. *Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoy Rossii (Economics of Contemporary Russia)*, no. 1, pp. 46–66. (In Russian).

Popper K. (2008) *Knowledge and the Body-Mind Problem: In Defense of Interaction*. Moscow: LKI Publ. (In Russian).

Raskov D.E. (2005). *Economic Theory as Rhetoric*. *Herald of Saint-Petersburg State University*, ser.5, iss. 3, pp. 13–30. (In Russian).

Reinert E.S. (2011) *How Rich Countries Got Rich... and Why Poor Countries Stay Poor*. Moscow: State University – Higher School of Economics Publ. (In Russian).

Slobin D. and Greene J. (1976). *Psycholinguistics*. Moscow: Progress. (In Russian).

Sukharev O.S. (2011). *Economic Growth, Welfare, and Institutional Changes*. *Journal of Institutional Studies*, vol. 3, no. 3, pp. 19–39. (In Russian).

Volchik V.V. and Berezhnoy I.V. (2012) *Selection and Exaptation of Institutions: the Role of Special Interest Groups* / In Arkhipov A.Yu., Kirdina S.G. and Martishin E.M. (eds.) *Evolutionary and Institutional Economic Theory: Discussions, Methods and Implications*. Ch. 8. Saint-Petersburg: Aleteiya Publ., pp. 165–187. (In Russian).

Weyl H. (1989). *The Mathematical Way of Thinking*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Worf B.L. (1960). *Science and Linguistics* / In: *New in Linguistics*. Issue 1. Moscow: Foreign Literature Publ., pp. 169–182. (In Russian).

Yefimov V.M. (2007). *On Interpretative Institutional Economics (scientific paper)*. Moscow: Institute of Economics. (In Russian).

Acemoglu D. (2002). *Why not a Political Coase Theorem? Social Conflict, Commitment and Politics*. *NBER Working Paper*, no. 9377, December. Available at: <http://www.nber.org/papers/w9377>.

Djankov S. et al. (2002). *The Regulation of Entry*. *Quarterly Journal of Economics*, vol. CXVII.

Dražković V. and Drašković M. (2012) *Institutional Nihilism as a Basis for Anti-Development Policy*. *Montenegrin Journal of Economics*, vol. 8, no. 1, pp. 119–136.

Dyen I., Kruskal J.B. and Black P. (1992). *An Indo-European Classification: A Lexicostatistical Experiment*. *Transactions of the American Philosophical Society*, vol. 82, no. 5, pp. 1–132.

Greif A. (1994). *Cultural Beliefs and the Organization of Society: A Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Societies*. *The Journal of Political Economy*, vol. 102, no. 5, pp. 912–950.

Hockett C.F. (1954). *Chinese versus English: An Exploration of the Whorfian Theses*. In: Hojfer H. (ed.) *Language in Culture*. Chicago: Chicago University Press.

Klamer A. (1984). *The New Classical Macroeconomics: Conversations with New Classical Macroeconomists and their Opponents*. Brighton: Harvester Wheatsheaf.

Lawson T. (2005). *The Nature of Heterodox Economics*. *Cambridge Journal of Economics*, vol. 30, no. 4, pp. 483–505.

Mayer H. (1994). *The Cognitive Value of Functional Theories of Price: Critical and Positive Investigations Concerning the Price Problem* / In: Kirzner I.M. (ed.) *Classics of Austrian Economics: A Sampling in the History of a Tradition*. Vol. II. London: William Pickering.

- McCloskey D.* (1985). *The Rhetoric of Economics*. Madison: University of Wisconsin Press.
- Neale W.C.* (1982). Language and Economics. *Journal of Economic Issues*, vol. 16, no. 2, pp. 355–369.
- North D.* (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton: Princeton University Press.
- Rajan R.G., Zingales R.* (2004). Путь к процветанию: спасение капитализма от капиталистов. *Transition (Экономический вестник о вопросах переходной экономики)*, № 1.
- Searle J.R.* (2005a). *Consciousness and Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Searle J.R.* (2005b). What Is an Institution? *Journal of Institutional Economics*, vol. 1, no. 1, pp. 1–22.
- Sternberg R.J. and Ben-Zeev T.* (2001). *Complex Cognition. The Psychology of Human Thought*. Oxford: Oxford University Press.
- Yerznkyan B.H.* (2012). Institutional Economics at the Crossroads: A View from Russia. *Montenegrin Journal of Economics*, vol. 8, no. 1, pp. 27–45.